

ПО УТРАМ
рано - рано
встает над Моск-
вой-рекой солнце.
Город еще спит, а
неутомимое све-
тило спешит за-

няться своим весенним творче-
ством. Как художник, оно сме-
шивает яркие краски утренней
зари, заставляет нежно рдеть об-
лака, пламенеть маковым цветом
стекла многоэтажных домов, высти-
лать розовыми цветами мостовые
и площади...

Увеличивающийся день — один
из первых признаков весны. Он, по
народной примете, год кормит.
Если зимой какой-нибудь гражда-
нин мог позволить себе лечь спать
пораньше, а встать попозже или да-
же вздремнуть в кабинете, на сове-
щании, чему способствовали сумер-
ки за окном, то сейчас, весной,
солнце не дает понежиться в постели
даже завязтым лежебокам...
Длинный день дан нам природой
не для того, чтобы мы его разбазы-
ривали...

В весенние дни нельзя не вспо-
мнить о нашем искусстве. Оно ве-
сеннее, солнечное, глубоко оптими-
стично по своей сути. Недаром о
многих актерах говорят: а вы знае-
те, у него солнечный талант, он —
солнечный артист. Это действительно
так. Только хочется мне доба-
вить (и это глубокая правда), что
и зритель-то наш необычный —
солнечный. Нигде, ни в какой дру-
гой стране такого нет! Сколько све-
та на сцене и в зале, когда спек-
такль удачен, актеры играют вдох-
новенно! Люблю заглядывать в
такой зрительный зал, радуясь от
всей души за моих коллег.

Я на днях поздравлял артистов
театра имени Вахтангова: они полу-
чили Ленинскую юбилейную по-
четную грамоту. Я сказал им, что
мы, люди искусства, стоим в одном
ряду, но сегодня вам, вахтанговцам,
немало сделавшим прекрасного во
славу нашего советского искусства,
выпала высокая честь. Это и ра-
дость, и высокая ответственность.
Правдофланговый нашего искусства
— это театр возвышенный, ум-
ный, правдивый, оптимистический.
Каждый из нас стремится так слу-
жить своим искусством народу,
чтобы быть в первых рядах.

Нынешняя весна неповторима.
Май — это апофеоз весны. Но
как бы мы хорошо ни жили, как бы
все ни ладилось у нас, каким бы
чистым ни было наше мирное не-
бо, мы, советские люди, не должны
благодарствовать.

Весна для нас, артистов, режиссе-
ров, — отчетная пора перед наро-
дом. Московский весенний смотр
новых работ театров так и назы-
вается — «Театральная весна-70».
Но за ней грядет и пора гастро-
лей столичных театров по городам
страны, а периферийных — в сто-
лице. Конечно, и раньше был этот
взаимообмен. Но масштабы были не
те, много было случайного. Как-то
Михаил Михайлович Тарханов рас-

ТВОРИТЬ РАДОСТЬ

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР

□ □

сказал мне историю про одного ста-
рого провинциального русского ак-
тера-трагика, который играл не-
обыкновенно ярко шекспировского
Ричарда. Прослышали о нем пе-
тербургские шекспироведы, они
заинтересовались этим трагиком и
так устроили, что в один из дней
на сцене императорского театра
трагику было высочайше позволено
сыграть Ричарда. Он играл так ин-
тересно и необычно, что шекспиро-
веды были в восторге, после спек-
такля толпой пришли за кулисы.
Вышла к ним старушка, объяснила,
что актер устал после длинного
спектакля и принять их не может.
Тогда они попросили: «Спросите у
него, какими материалами он
пользовался, что так глубоко и
замечательно понял Шекспира, так
тонко передал эпоху?» Она сказала
ученым мужам: «Дорогие мои, я вам
все сама объясню... Никакими ма-
териалами он не мог пользоваться,
потому что неграмотный... Роли ему
читаю я. А он с закрытыми глазами
сидит и слушает. И все, что он
сыграл, это исключительно то, что
он сам придумал...» Вы представ-
ляете себе, какой силой творческого
воображения, какой смекалкой об-
ладал этот удивительный русский
актер-самородок! Это, конечно, ис-
ключительный случай.

Но есть какая-то удивительная
закономерность в том, что сегодня,
когда происходит в масштабах стра-
ны весенне-летнее солнцедвижение
искусства театров, мы каждый год
открываем для себя новые и новые
таланты, которыми так богата наша
страна. Это величайшее явление со-
ветской социалистической культуры
— возможность показать Москве,
столичному зрителю достижения те-
атров разных республик и городов
нашей страны. Все это позволяет
нам воочию увидеть развитие, раз-
мах и богатство нашей культуры...

Самое ценное, как мне кажется,
в нашем искусстве — это его уди-
вительная способность аккумуляиро-
вать, что ли, солнечную, лучистую
энергию и передавать ее заряд лю-
дям. Причем этот процесс взаимо-
связанный. Ведь актер или худож-
ник, творящий радость, сам полнее,
ярче, многоцветнее воспринимает
мир. У него нет душевного дальто-
низма, ему многое становится до-
ступным. Это драгоценное чувство
каждый художник должен в себе
хранить и развивать...

На днях я вновь встретился с не-
которыми своими героями. Сыграл
снова Меншикова, Еропкина, Дым-
бу, Фомку Жигана, Анискина в
фильме, где сам (конечно, не без
помощи режиссеров и сценаристов!)
рассказываю о творчестве, о своих

удачах и неудачах... Представьте
себе этот фильм и такой эпизод из
него.

Поздно вечером я возвращаюсь
домой. Устал. Чем-то огорчен. И я
говорю сам себе: «Да-а... нет, надо
все это бросать!.. и театр надо бро-
сать и кино... Устал...» Сажу у себя
в кабинете и вдруг голос: «Что это
я тебя не узнаю, мин хери?» У
книжного шкафа стоит Меншиков!
Я ему отвечаю: «Да я сам себя
не узнаю». Потом он говорит: «Ну
как же тебе не стыдно: ты что ж
это в панику ударяешься?» А тут
еще один голос: «Да это он все, по-
нимаешь, фасонит! Пижон!» Сто-
ит рядом Фомка Жиган. Так один
за другим появляются мои герои. Я
с ними разговариваю об искусстве.
Они мне говорят: «Э-э, ты это ра-
но сдаешься. Ты просто даже не
имеешь права... Это мы тебя созда-
ли...». Ну, если вдуматься, то это
действительно так. Образы, создан-
ные актером, создают и его самого.
И недаром мысль актера, художни-
ка постоянно бодрствует, она все-
гда в пути. Творчество неутомимо,
неиссякаемо. Оно бесконечно
как жизнь, как мечта. В этом филь-
ме я хочу ввести еще одну сцену.
Она взята из жизни...

Час ночи. Спят давно все люди,
отдыхает после дневных трудов
Москва. Но актеры в этот час еще
не спят. Они думают, мечтают, со-
мневаются, борются со своими штам-
пами, заблуждениями, пробуют себя
в новом... Тайком от домашних, за-
вернувшись в скатерть или в одеяло,
как в плащ, я читаю монолог Ли-
ра... Окно распахнуто. Молния.
Гром. Порывы ветра... Рождается,
пусть пока в мечте, новый образ...
И так почти до утра, до солнеч-
ных зарниц...

И в этом — порывы весны, жажда
обновления, поиски в творчестве.

...Солнце — щедрое светило. Оно
светит всем. Но, я думаю, оно боль-
ше всего светит нам, хотя и освещает
весь земной шар. Почему? У
одного человека его в жизни боль-
ше, у другого меньше. И, мне ка-
жется, по свету самой нашей жиз-
ни, по нашему социальному бытию,
по мощному размаху строев нового,
по возвышенным ритмам сегодняш-
него дня у нас больше возможности,
чем у кого-либо в мире, чувствовать
солнце, радоваться его теплу.

Я — за таких людей. За людей с
большим сердцем, солнечным зар-
ядом оптимизма. За людей дающих,
как горьковский Данко, свет своего
солнечного сердца другим. И пусть
их будет с каждым днем больше!